

УДК 81'42+821.161.1.09-3

ТИПЫ ДИСКУРСА В ПОВЕСТИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ПОШЕХОНСКИЕ РАССКАЗЫ»*

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматриваются вопросы языковой организации дискурса М.Е. Салтыкова-Щедрина в аспекте лингвофилософского подхода к анализу художественного текста. Описываются собственно языковые средства моделирования двойственного отношения к действительности в художественном мире автора.

Ключевые слова: художественный текст, дискурс, идиостиль, ментальность.

В определении дискурса мы будем придерживаться точки зрения, дифференцирующей понятия «текст» и «дискурс»: текст – специфический способ, правила организации речевой деятельности, некая абстрактная, формальная конструкция; дискурс – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [3, с. 137]; это текст, взятый в событийном аспекте. Одной своей стороной он должен быть обращен к прагматической ситуации, другой – к ментальным процессам участников коммуникации.

Нередко дискурс рассматривают в качестве сцепления структур значения, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации [3, с. 137]. Отсюда частое употребление термина *дискурс* как понятия, близкого к понятию «стиль» (*литературный дискурс, научный дискурс* и т.д.). В этой же логике возможно употребление термина *дискурс* по отношению к речи персонажа художественного произведения [2]. Последняя, взятая в событийном аспекте, соотношенная с прагмакоммуникативной ситуацией, и будет рассматриваться нами как дискурс отдельного персонажа «Пошехонских рассказов» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Теперь необходимо определить, что такое «событие», ибо оно является центральной характеристикой дискурса. Событие мы будем рассматривать с позиций лингвофилософии Ж. Делеза, базирующейся на учении стоиков.

В его основе лежит разграничение двух типов вещей: тел и событий. Тела обладают физическими качествами, совершают действия и подвергаются им. Их движение идет всегда в двойном направлении, определяющем глубину существования: «Когда я говорю: “Алиса увеличивается”, – я полагаю, что она становится больше, чем была. Но также верно, что она становится меньше, чем сейчас. Конечно, она не может быть больше и меньше в одно и то же время. Сейчас она больше, до того была меньше. Но она становится больше, чем была, и меньше, чем стала, в один и тот же момент» [4, с. 15]. В этом суть одновременности становления, где нет

* Выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00528 «Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина».

разделения на прошлое и будущее. Сущность становления – движение. Во время движения тела приходят во взаимодействие и смешиваются между собой, поэтому все тела – причины друг друга. Но причины чего?

Как отмечает далее Ж. Делез, прекрасную реконструкцию стоического мышления дает Эмиль Брей: «Когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут – “быть порезанным”. Этот *атрибут* не означает какого-либо реального *качества*... наоборот, он всегда выражен глаголом, подразумевающим не бытие, а способ бытия. ...Такой способ бытия находится где-то на грани, на поверхности того бытия, чья природа не способна к изменению. <...> Это – чистый и простой результат, или эффект, которому нельзя придать какой-либо статус среди того, что обладает бытием...» [4, с. 20].

Как событие отличает себя от тел в языке? Тела и их положение выступают в языке как денотация. Она задается существительными (тела) и настоящим временем глагола, указывающим на его связь с денотируемым положением вещей в последовательности физического времени. Само событие выражается в инфинитиве; «Чистый инфинитив – это Эон, прямая линия, пустая форма и дистанция. Он не допускает различения моментов, но продолжает формально разделяться одновременно в двойном направлении прошлого и будущего. <...> ...нам нужно понять инфинитив, когда он еще не втянут в игру грамматических определений – инфинитив, независимый не только от всех [грамматических] лиц, но и от всех времен, от всякого наклонения и залога... Таков нейтральный инфинитив чистого события...» [4, с. 244, 282].

Таким инфинитивом в «Пошехонских рассказах» является глагол *жить*. Это та дистанция, на которой будут развиваться все действия, модализации, темпорализации – все «грамматические искривления глагола». Этот инфинитив будет разворачивать круг дискурса. Это один полюс. Второй полюс – настоящее время глагола, отсылающее нас к денотации, к определенной точке на шкале событий, к определенному положению вещей – сингуляру, неотделимому от события.

Таким сингуляром в дискурсе «Пошехонских рассказов» является сочетание *жить по-божески*: «Жить по-божески значит жить по справедливости, никого не утесняя, всех любя и взаимно прощая» [6, с. 444].

Эта сингулярность (и соответствующие ей вещи: любовь, справедливость, божеское), выступающая в дискурсе как означаемое, имеет свое грамматическое выражение:

- 1) инфинитив *жить* имеет при себе наречие *по-божески*, выполняющее атрибутивную функцию, которая допускает неопределенно широкий ряд интерпретаций, связанных с представлением о жизни «под / вместе / рядом... с Богом, по его установлениям, в совместном действии с ним»;
- 2) инфинитив выступает в роли субъекта и предиката, тем самым ядро конструкции *Жить... значит жить* несет идею онтологической самодостаточности существования «под / вместе / рядом... с Богом»;
- 3) сингулярность и соответствующие ей вещи связаны с формами несовершенного вида, фиксирующими представление о длящейся раскрытости этой ситуации из сиюминутного – в вечное.

Но свойство сингулярности таково, что она лишь точка на линии обычных точек, всегда будет либо тем, что вот-вот наступит, либо тем, что уже произошло. То есть от события идет движение в ту или иную сторону, что фиксируется видо-временными формами глагола.

Что же произошло со стороны означаемого в «Пошехонских рассказах»?

Вещи (тела) «любовь», «справедливость», «божеское», определяющие существование сингулярности «жить по-божески», в обыденной реальности были вытеснены у разных персонажей повести по тем или иным причинам – это вытесненные желания. В обыденной реальности их место заняли различные понятия (идеи) и объекты: теория справедливых слов Андрея Курзанова, теория приведения к одному знаменателю Никанора Беркутова, теория фразы и дела Клубкова и, наконец, съезжий дом с соответствующей каланчой для пошехонцев-аборигенов, которые в концепции Щедрина представляют социальный народ: «Андрей рос тихо и *одинок*. Это был мальчик *впечатлительный*. ... С раннего детства, окруженный образами и книгами церковного обихода, он легко пристрастился *к божественному*» [6, с. 441]; «В детстве Никанор никогда досыта не едал, но зато по горло был сыт побоями и колотушками, которыми щедро оделяли его отец и мать. По одиннадцатому году сдали его в тотемское духовное училище, где сытости не прибавилось, а телесные калечества, напротив, в значительной мере умножились. ... *Принятые в детстве побои, а затем голод и дальнейшие преследования судьбы* развили в Беркутове угрюмость, которая постепенно развилась в открытое *человеконенавистничество*» [6, с. 459]; о категории вытесненного у пошехонцев: «Только вот в глаза этой *«справедливости»* не *видали*, так это, пожалуй, придавало еще больше цены устным беседам о ней. ... Собрались однажды пошехонцы в то самом месте, где во время оно, по свидетельству Костомарова, у них “северные народоправства” происходили и где впоследствии, по совету “Московских курантов”, выстроен был *съезжий дом с соответствующей каланчой*. ... Смотрели они на каланчу и ждали: не будет ли от нее какого *наития?*» [6, с. 445; с. 449; с. 501] (здесь и далее везде выделено нами. – И.Г., Е.У.).

Таким образом, любовь и человеконенавистничество, божеское и гнусное, справедливость и каланча со съезжей сосуществуют одновременно, но не как антонимичные понятия (они не формируют бинарной оппозиции), а как находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, как развитие в двойном направлении от одной сингулярности «жить по-божески», которая является имплицитной точкой на шкале события «жить», так как все божеское было вытеснено из мира.

Категории вытесненного и превзойденного описываются в формах прошедшего времени совершенного вида глагола как действие, уже совершившееся к настоящему моменту. Для части героев – Курзанова, рассказчика – эти привнесенные понятия носят характер воображаемого, которое подменяет положение вещей в обыденной реальности и формирует со стороны означаемого невротический дискурс.

Характерной чертой данного типа дискурса является его ненарушенная прагматика (восприятие соответствует произнесенному слову): «Сладко волновал [Курзанов] сердце “справедливыми словами”. К словам этим по временам прислушивался и мужской пол, и хотя не умилялся по их поводу, но с формальной стороны тоже не мог не находить “справедливыми”» [6, с. 444]; «...даже в среду, со всех сторон наглухо запертую, вдруг неведомо откуда и каким образом налетало свежее чувство, просветлявшее умы и умилявшее сердца» [6, с. 445].

Сама суть теории выражается глаголами настоящего времени и их эквивалентами, что свидетельствует о ее подлинной сущности, соответствующей Бытию, так как, по замечанию И.Р. Гальперина, «...настоящее время выражает наиболее обобщенное время. Оно как бы имеет разнонаправленные векторы – в прошлое и будущее... Настоящее в художественном произведении фактически *вневременно*. ... Формы настоящего времени – основной способ презентации вечных истин» [2, с. 99].

Однако это только воображаемое, желательное, как должно быть, поэтому все послы сопровождаются в дискурсе Курзанова наклонением долженствования: «нужно жить по правилу», «должны душу полагать за други своя». Причем и сам персонаж воспринимает свою теорию амбивалентно: «Я ведь только говорю, что нужно жить по-божески, а если не можете – живите по закону. Я ведь только говорю, а против закона не иду» [6, с. 448]. Поэтому его теория характеризуется как «мечтание», а сам Андрей Курзанов называется «блаженненьким».

В дискурсе рассказчика тоже наблюдается амбивалентность позиции: он понимает всю ненормальность окружающей действительности, знает, как должно быть, но испытывает страх: «Ибо хотя я и не принадлежу к числу безусловно-равнодушных, но меру благоразумию все-таки знаю. А Крамольников не знает ее; а потому, когда встречаешься с ним при благородных свидетелях, то невольно приходит на ум мысль: “Ну, уж сегодня, наверное, участка не миновать!”» [6, с. 493].

Для другой части героев – Язвилло, Беркутова, Клубкова – привнесенные понятия носят характер символического: реальное подменяется символическим, и со стороны означаемого это формирует психотический тип дискурса, обязательными составляющими которого на уровне означаемого являются тревожность, страх, отчаяние, одиночество и бред, что вызывает хаос в организации плана содержания: «Мы переживаем время суровых, но бесплодных поучений. Все как будто проснулись ото сна и впервые встретились лицом к лицу с какою-то безнадежностью, почти фантастическою действительностью. Отсюда – изумление, поголовный страх. Именно только изумление и страх, потому что бросившийся в глаза хаос не вызывал в нас решимости разобраться в нем, отделить следствия от причин» [6, с. 470]; «Или, может быть, перед его [Беркутова] глазами мелькал наполненный атомами хаос...» [6, с. 461].

Хаос на уровне означаемого имеет свое выражение в означаемом дискурса. Прежде всего, это новые, непонятные окружающим слова: «Язвилло был человек ловкий. В церкви он уж совсем никогда не бывал, а о “справедливых словах” и не слыхивал. Взамен того он принес с собою *какие-то особенные, совсем новые слова*. Он первый произнес в Пошехонье выражение “*основы*”» [6, с. 455]. Смысл этого выражения остался определенным только для самого Язвилло.

Другой репрезентацией психоза в означаемом является нарушение глубинной семантики слова с сохранением поверхностной, то есть слово выглядит как такое, которое употребляют другие, нормальные, люди, но значение его деформировано и затемнено для окружающих. В первую очередь, это касается ключевых лексем и обозначаемых ими концептов «дело» и «мечтания».

«Дело» в пошехонской действительности вначале семантически не пусто, и лишь воображение начинает заполнять его содержанием иллюзорного плана, не имеющим коррелята в реальности: «Но, как уже замечено выше, ни в трактирах, ни в публицистике *никто до сих пор не обмолвился, в чем же должно заключаться “дело”*, которого вожделеют все сердца; *никто не назвал его по имени*. Воображению представляется нечто вроде пирога, который покуда стоит в духовом шкафу и попевает. Когда он зарумянится, его вынут и подадут: “Кушайте!”» [6, с. 471].

Необходимо заметить, что значение за словом и понятием «дело» закрепляют представители политики ежовых рукавиц, верящие в творческие силы крепостного права: это Язвилло, с его маниакальной идеей всеобщего доноительства, разжигания ссоры и вражды; Беркутов, который бродит по городу с утра до вечера, заходит в харчевни и учиняет допрос о действительных и мнимых притеснениях

и тут же заводит дело; капитан Мазилкин, Груздев с единственным словом «Фью-ить!» и др. Поэтому, с точки зрения нормального человека, «...понятиям самым обыденным и общепризнанным сообщается загадочный смысл» [6, с. 456]. «Дело» понимается как запрет на человеческую мысль, как возможность доносить, обильно проливать свой пот «пошехонцам-аборигенам», то есть вести жизнь «по закону»: заставлять человека жить, но не давать к этому никаких условий. Право на человеческую мысль называют либеральным опьянением, а людей, не теряющих из вида законов человеческого совершенства, – мечтателями.

Таким образом, перед нами явное нарушение прагматики – связи значения слова с реальной действительностью, с законами порождения и восприятия речи. Неслучайно М.Е. Салтыков-Щедрин использует номинации *безымянное бешенство, большие фантазии*.

Все это приводит к совершению фантастических действий. Когда концепция ябедничества Язвилло реализовалась, то успех ее был «*поразительным*»: вскрылась масса фантастических преступлений: «В одно прекрасное утро оказалось, что из всего пошехонского населения только он, Язвилло, да негласный руководитель ябеднического движения, Беркутов, остались незавиненными. Даже неперменный заседатель – и тот оказался потрясателем, потому что, получивши с почты казенные деньги, “обронил” их по дороге в полицейское управление» [6, с. 458]; «Язвилло до того увлекся своим “предприятием”, ... что совершенно искренно испрашивал у начальства благомилостливого разрешения на срытие города Пошехонья до основания» [6, с. 467]; «Беркутов же стремился к тому, чтобы постепенными мерами довести город до тоски: «Сухоту сердечную навести надо, – говорил он, – мглу непросветную, чтобы ни злакам, ни плодам земным, ни людям – ничему бы свершения не было!» [6, с. 465].

Необходимо заметить, что отличительной чертой дискурса данных персонажей является отсутствие метафор: все понимается буквально, как в бреду.

Однако далее безумие объективируется и экстраполируется на весь мир, на всех людей. У пошехонцев, как мы отмечали, есть амбивалентность восприятия воображаемого: «Я охотно признаю, что пошехонец еще не дошел до предательства, но он уже с головы до ног опутан нитями *апатии, индифферентизма и повадливости...*» [6, с. 505]. Поэтому у них возникает понятие лицемерия как компромисса с жизнью по закону, в результате чего все начинают врать и изворачиваться без зазрения совести. Но это воображаемое пошехонцев носит ирреальный характер: «Не мысль о будущем интересовала пошехонские бесшабашные головы, а мечтания о том, какие бы они и поднесь сладкие куски ели...» [6, с. 505]; «...мечтания странные, чисто пошехонские. А именно чем чаяли жито лопатами загребать, а по какому случаю – неизвестно» [6, с. 474].

Эта нарушенная прагмаустановка является благодатной почвой для перенесения на нее безумия. У пошехонцев тоже начинает нарушаться связь между словом и реальностью: «Пошехонец, который еще так недавно во всеуслышание выпренне говорил, вдруг, без всякого колебания, начинает изрекать какие-то афоризмы, самая фактура которых удостоверяет, что они не могли в ином месте начало воспринять, кроме как на съезжей» [6, с. 503].

Это тоже влечет их к фантастическим действиям: совершать народоправство у каланчи съезжего дома – символа вытесненного желания «жить по справедливости». Все описывается как хаос, причем на уровне означющего это фиксируется глагольными формами прошедшего времени, приближающими к нам событие,

и будущего времени, описывающими странное пошехонское мечтание, никак не связанное с реально производимыми действиями, то есть налицо деформированная связь между совершаемыми действиями и ожидаемым результатом: после первого дня бунта, когда не знали, с чего начать и как приступить, «воротились пошехонцы домой, вымокшие, иззябшие, сердитые. Некоторые, впрочем, надеялись, что во сне бог счастья пошлет...» [6, с. 506].

На второй день, совершив убийство Рыжего, «взаимно поощряя друг друга веселыми подзатыльниками, они направились восвояси, в полной уверенности, что теперь, когда уже фактически доказали свое отрезвление, они найдут дома не тюрю с водой, как накануне, а щи с убоиной, но ни щей, ни убоины не было» [6, с. 512–513].

На третий день, когда происходило истребление друг друга, «казалось, все понимали, что конец неизбежен и что, ежели после этого “конца” уцелеют лишь немногие, зато у этих немногих будут и элеваторы, и транзит, и щи с убоиной» [6, с. 516]. И, как закономерный результат их фантастических действий, свершилось чудо: «...незаметное существование пошехонского обывателя нашло для себя апофеоз – в форме трупa» [6, с. 518].

Окончательная победа ирреального, символического над реальностью приводит к созданию того, что можно назвать психотическим миром. У М.Е. Салтыкова-Щедрина он находится с реальным миром в отношениях дополнительной дистрибуции [3]. Пошехонцы живут то в психотическом, то в реальном мире, часто эти миры перемежаются и подпадают под определение маниакально-депрессивного состояния: в период маниакальной стадии пошехонцев охватывают величественные, мегаломанические идеи – реформировать жизнь, мир в соответствии со справедливостью; а для депрессивного состояния характерны вина и раскаяние, которые приобретают гипертрофические черты: «...она [толпа] чувствовала себя под гнетом безотчетной и безысходной тоски, которая захватила ее всю, со всех сторон, которая истребила в ней мысль, забила воображение. Вчера, под наитием тоски, температура ее поднялась до истерического бешенства; сегодня то же самое наитие разрешилось упадком духа, унынием и бессилием. ... [она] беспокойно озиралась, как будто желая засвидетельствовать, что ее насквозь пронизала какая-то безымянная боль» [6, с. 518]. А употребление форм настоящего времени глагола («русский народ бунтует, когда шкура болит») указывает на повторяемость действия, на его цикличность, что также является характерной чертой психотического мира.

Таким образом, «Пошехонские рассказы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, с точки зрения дискурсивной организации, представляют собой сложную лингвистическую модель, отражающую восприятие русской действительности.

Список литературы

1. Волков В.В., Гладилина И.В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного : учебное пособие. Тверь : Издатель Кондратьев А.Н., 2014. 156 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
3. Гладилина И.В., Усовик Е.Г. Оказионализмы как сигнал интертекстуальности (на материале романов М.Е. Салтыкова-Щедрина и Т.Н. Толстой) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 3. С. 211–217.

4. Делез Ж. Логика смысла. М. : Раритет; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Сказки. Мелочи жизни. Из «Посехонских рассказов». М. : Правда, 1988. 558 с.

THE DISCOURSE TYPES IN “POSHEKHONSKY STORIES”

BY M. E. SALTYKOV-SCHEDRIN

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
the department of Russian language

The article considers some language discourse architecture in the sphere of linguo-philosophical way of aesthetic text. Authors describe the proper language for modelling the dual relationship to reality in the artistic world of M. E. Saltykov-Schedrin.

Key words: *aesthetic text, discourse, idiostyle, mentality.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.